

5059

ИЗВѢСТИЯ

ОТДѢЛЕНИЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

АКАДЕМИИ НАУКЪ

1911 г.

ТОМА XVI-го КНИЖКА 4-я.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1912.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ:

И. И. Глазунова и К. Л. Ринкера въ Санктпетербургѣ; Н. П. Карбасникова въ Санктпетербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ; Н. Я. Оглоблина въ Санктпетербургѣ и Киевѣ; Н. Киммеля въ Ригѣ; у Фоссъ (Г. В. Зоргенфрей) въ Лейпцигѣ; Люзакъ и Комп. въ Лондонѣ, а также въ Книжномъ складѣ Императорской Академіи Наукъ.

Цена этой книжки одинъ рубль пятьдесятъ копеекъ.

89

Отчетъ В. А. Каминскаго о поездкѣ въ Волынское Полѣсье для изученія народныхъ говоровъ лѣтомъ 1910 года.

Будучи уроженцемъ Волынской губерніи, я еще во время ученія своего въ Университетѣ, занимаясь діалектологіей подъ руководствомъ профессора Е. Ф. Карского, помышлялъ о томъ, чтобы предпринять поездку въ Волынское Полѣсье съ цѣлью сдѣлать здѣсь записи народныхъ пѣсенъ, обрядовъ и обычаевъ, которыя бы могли послужить основаніемъ для изслѣдованія. Однако прошло болѣе десятка лѣтъ послѣ окончанія мною университетскаго курса, прежде чѣмъ суждено мнѣ было осуществить свою завѣтную мечту. По обстоятельствамъ своей личной жизни, сложившимся крайне неблагопріятно для меня въ первый годъ послѣ окончанія университетскаго курса, я прожилъ нѣкоторое время въ Подольской губ., и къ тому времени относятся сдѣланныя мною здѣсь первыя мои записи народныхъ пѣсенъ (въ 1897—1898 г.), напечатанныя въ «Живой Старинѣ»¹⁾. Затѣмъ, не переставая интересоваться вопросами діалектологии и этнографіи, я по условіямъ своей службы и въ зависимости отъ служебныхъ досуговъ сосредоточивъ свое вниманіе и изученіе на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ приходилось проводить свободное отъ службы время. Результатами этого изученія были слѣдующія статьи:

---

1) Материалы для характеристики малорусскихъ говоровъ Подольской губ.
Живая Старина 1902 г., вып. I, стр. 75—96.

1) Этнографические материалы, записанные въ селѣ Будкахъ, Винницкаго уѣзда Подольской губ.: а) День Ивана Купала, б) Разсказы¹⁾.
 2) Праздникъ Пасхи въ селѣ Косаревѣ, Дубенскаго уѣзда, Волынской губерніи²⁾. 3) Къ вопросу о народной демонології³⁾. 4) Описание говора села Косарева, Дубенскаго уѣзда, Волынской губерніи⁴⁾. Между прочимъ къ началу 1903 года, когда я состояль учителемъ Ковенской мужской гимназіи, у меня созрѣлъ планъ систематического изученія мѣстной, т. е. белорусской и литовской, діалектологіи и этнографіи, что представлялось удобоисполнимымъ особенно въ виду командировки учителей мѣстной гимназіи для производства экзаменовъ въ начальныхъ школахъ; и въ апрѣль 1903 года, согласно указаніямъ профессора Е. Ф. Карского и съ разрѣшенія бывшаго Попечителя Виленскаго Учебнаго Округа В. А. Попова, была совершена мною съ этой цѣлью первая экскурсія совмѣстно съ инспекторомъ народныхъ училищъ Н. П. Свѣшниковымъ. Результаты этой экскурсіи изложены въ отчетѣ, который напечатанъ въ журнале «Филологическая Записки»⁵⁾. Среди этихъ разнообразныхъ занятій меня никогда не покидала мысль о поѣздкѣ въ Волынское Полѣсье, при чемъ рѣшимость собирать здѣсь діалектологический материалъ укрѣплялась вмѣстѣ съ усилившимся желаніемъ использовать этотъ материалъ, давъ на основаніи его «Очеркъ народныхъ говоровъ Волынского Полѣсъ». Эту задачу я вполнѣ опредѣленно для себя формулироваль, когда въ настоящемъ году, благодаря пособію со стороны Императорской Академіи Наукъ, а также, благодаря просвѣщенному содѣйствію Г. Попечителя Варшавскаго Учебнаго Округа В. И. Бѣляева, мнѣ удалось совершить давно задуманную поѣздку по Волынскому Полѣсу, о результатахъ кой я намѣренъ изложить въ настоящемъ отчетѣ. Что же касается изслѣдованія, то оно не можетъ быть составлено, прежде чѣмъ мною не будутъ посѣщены нѣкоторыя части Волынского Полѣсъ, посѣтить которыхъ мнѣ не удалось лѣтомъ текущаго года.

1) Киевская Старина 1904 г., т. LXXXVI, сентябрь, стр. 77—85.

2) Ibid. 1906 г. т. XСП, мартъ—апрѣль, стр. 299—320.

3) Ibid.

4) Русский филологический Вѣстникъ 1904 г.

5) Филологическая Записки 1910 г., вып. II, III и IV.

Волынское Полесье, или точнѣе Полесье, расположеннное въ границахъ Волынской губерніи, до очень недавняго времени (приблизительно до 60 годовъ прошлого столѣтія) занимало обширную территорію: не будетъ преувеличеніемъ, если я скажу, что болѣе $\frac{2}{3}$ всей Волынской губерніи было покрыто лѣсомъ, который въ сѣверной своей части представлялъ сплошное пространство отъ западной границы губерніи до восточной, и только южная и юго-западная части представляли собою степную мѣстность. Колонизация Волынской губерніи чехами въ 60—70 г. XIX вѣка, а затѣмъ нѣмцами и др. колонистами вызвала истребленіе лѣсовъ, которое усилилось, благодаря проведенію желѣзныхъ дорогъ: — въ 70 годахъ Кіево-Брестской и въ 90 годахъ прошлого столѣтія Кіево-Ковельской и Полесскихъ. Это обстоятельство оказало важное вліяніе на мѣстные говоры. Проведеніе желѣзныхъ дорогъ произвело вмѣстѣ съ нивеллировкою почвы и діалектологическую нивеллировку, устранивъ тѣ особенности, какія являются живымъ показателемъ старины, а именно дифтонги: оу, уы, юы, іе, и тѣ которые характеризуютъ сѣверно-малорусские говоры, какъ, напримѣръ: зл. ед. ч. са (вмѣсто об. русск. ся) и др.

Принявъ во вниманіе это обстоятельство, а также имѣя въ виду во 1-хъ то, что остатки старины въ народныхъ говорахъ должны сохраняться въ мѣстностяхъ, болѣе удаленныхъ отъ культурныхъ центровъ и желѣзныхъ дорогъ, а во-вторыхъ, то, что діалектологического материала, касающагося Овручского уѣзда, сѣвера Ковельского и Ровенского, почти нѣть въ печати, а если и есть, то въ небольшомъ количествѣ и относится онъ къ 50—60 годамъ прошлого столѣтія¹⁾, я поставилъ своею задачею, не располагая значительнымъ количествомъ свободного времени, обслѣдовать въ діалектологическомъ отношеніи территорію, ограниченную съ западной стороны полотномъ Кіево-Брестской желѣзной дороги, съ юга — линіей Кіево-Ковельской желѣзной дороги²⁾; съ сѣвера — границей съ Гродненской и Минской губерніями, а съ

1) Я не имѣлъ въ виду тѣхъ матеріаловъ В. Г. Кравченко, которые только начали печататься въ «Трудахъ» Общества изслѣдователей Волыни въ текущемъ году (1910).

2) Начиная отъ Ковеля и до Искорости.

востока—съ Киевской губерніей. Устанавливая приблизительно эту территорію для своей поездки, я кромѣ того предполагалъ закруглить ее, если бы позволило время, а именно — отправиться изъ Искорости (крайній пунктъ на востокѣ) на югъ къ Житоміру, а отсюда проѣхать черезъ Новоградволынскій уѣздъ не по шоссе, а, держась направленія на сѣверъ отъ шоссе, доѣхать до Костополя (на сѣверъ отъ г. Ровно). Таковъ былъ районъ, намѣченный мною для поездки нынѣшняго лѣта.

Цѣли этой поездки были мною формулированы слѣдующимъ образомъ. Въ виду небольшого количества записей, характеризующихъ народные говоры Волынскаго Полѣсья, я поставилъ своею цѣлью:

- 1) Сдѣлать эти записи, т. е. собрать матеріалъ въ тѣхъ мѣстахъ, въ коихъ такихъ записей дѣлаемо не было, руководствуясь при собираниіи матеріала интересами не количества, а главнымъ образомъ качества, т. е. стремясь записать меныше, но зато точнѣе, съ сохраненіемъ всѣхъ оттѣнковъ словъ и звуковъ со стороны ихъ произношенія въ данной мѣстности.
- 2) По возможности проверить тѣ записи, какія были сдѣланы и на которыхъ строилъ свои выводы профессоръ А. И. Соболевскій ¹⁾.
- 3) Уяснить на основаніи сдѣланныхъ записей особенности современныхъ народныхъ говоровъ Волынскаго Полѣсья.
- 4) Сгруппировать по уѣздамъ, по крайней мѣрѣ главнѣйшія особенности этихъ говоровъ.
- 5) Выдѣлить въ говорахъ немалорусскіе элементы, особенно бѣлорусскій, и установить, гдѣ и въ чёмъ наблюдаются переливы говоровъ малорусскаго и бѣлорусскаго.
- 6) Установить приблизительную границу, отдѣляющую сѣверно-малорусскій говоръ отъ южно-малорусскаго.
- 7) Отметить наконецъ факты этнографіи, которая, въ особенности въ сѣверной части Волынской губерніи, является мало изслѣдованной, и факты коей должны невольно обращать на себя вниманіе при собираниіи матеріала.

---

1) Живая Старина 1892 г., вып. III, стр. 1—30; вып. IV, стр. 1—61.

При выполнении этой цѣли я имѣлъ въ виду посѣтить преимущественно мѣстности глухія, удаленные оть желѣзной дороги, такъ какъ полагалъ, что здѣсь именно, благодаря строгой консервативности населения, а равно отсутствію разнообразныхъ, нивелирующихъ говоръ влияній мои записи дадутъ болѣе интересный материалъ, могущій представить нѣкоторую цѣнность и въ качественномъ отношеніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ я поставилъ себѣ за правило при производствѣ діалектологическихъ наблюденій избѣгать посѣщенія базаровъ въ мѣстечкахъ и городахъ по слѣдующимъ соображеніямъ, вынесеннымъ мною изъ моего личного опыта. Эти соображенія, какъ не лишенныя практическаго значенія для лицъ, занимающихся фольклоромъ, нахожу умѣстнымъ привести. Занимаясь собираніемъ пѣсенъ въ Подольской губерніи въ 1897 году, я имѣлъ возможность посѣщать въ базарные дни м.м. Жмеринку и Браиловъ. Послѣдній интересенъ былъ въ томъ отношеніи, что привлекалъ къ себѣ населеніе изъ болѣе широкаго района мѣстности, чѣмъ обыкновенное базарное мѣстечко, такъ какъ представлялъ и религіозный центръ; здѣсь находятся православный женскій монастырь, въ которомъ хранится чудотворная икона; кромѣ монастыря есть здѣсь и православная церковь, въ которой тоже находится чудотворная икона; наконецъ, въ мѣстномъ костелѣ есть чтимая католиками чудотворная статуя Иисуса Христа. Такимъ образомъ, помимо торговыхъ, коммерческихъ цѣлей, м. Браиловъ является религіознымъ центромъ и не только для православного населения, но и для католического. Проходя здѣсь по базару 29 іюля 1897 года, и прислушиваясь къ говору, я встрѣтилъ случайно своихъ знакомыхъ крестьянъ, пріѣхавшихъ изъ Ямпольского и Могилевскаго уѣздовъ, и притомъ тѣхъ именно крестьянъ, со словъ коихъ я дѣлалъ раньше свои записи, когда ѻздалъ по этимъ уѣздамъ. Прислушавшись къ ихъ разговору, прежде чѣмъ самому подойти къ нимъ, я отмѣтилъ одно довольно любопытное явленіе: я уѣдился, что они намѣренно, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ замѣтнымъ усилемъ, стараются скрывать особенности своего мѣстнаго говора, нивелируютъ эти особенности, подлашиваясь къ своимъ якобы болѣе культурнымъ собесѣдникамъ, чтобы не вызвать съ ихъ стороны насмѣшекъ. Такъ, напримѣръ, я явственно тогда замѣтилъ, что тотъ крестьянинъ, со словъ котораго я

дѣлалъ записи въ с. Бырлинцахъ Могилевскаго уѣзда, ироизносилъ «крынъца» вмѣсто: кірнъца и кернъца «бодай» (пустъ) вмѣсто: богдай; между тѣмъ у себя въ деревнѣ говорилъ: кернъца, богдай и т. д. Такимъ образомъ, я отмѣтилъ факты, свидѣтельствующіе о яркой дифференціаціи говора, при которой отгѣнки говоровъ даннаго села и даже цѣлой мѣстности могутъ изчезать, когда жителямъ даннаго села или данной мѣстности приходится попадать на базарь или на ярмарку; вслѣдствіе этого и дѣлать записи въ этой обстановкѣ, а равно и діалектологическія наблюденія я считалъ, во 1-хъ, не соотвѣтствующими тѣмъ цѣлямъ, какія я намѣтилъ при отправленіи въ командировку, а затѣмъ немогущими имѣть научнаго значенія въ смыслѣ основаній для выводовъ. Правда, мнѣ пришлось въ эту мою поѣздку наблюдать наемщики наль своеобразнымъ говоромъ крестьянъ села Копище Овруч. уѣзда, попавшихъ въ м. Олевскъ (55 верстъ); но эти особенности очень рельефны, а консерватизмъ этихъ крестьянъ очень силенъ, чтобы поддаться этой нивелировкѣ и не сохранить особенности говора, не боясь наемщики, которой по словамъ Гоголя всякий боится.

Кромѣ поставленныхъ задачъ я, ознакомившись съ трудами Чубинскаго и проштудировавъ находящуюся въ VII т. 453 — 512 статью: «Нарѣчія, поднарѣчія и говоры Южной Россіи», заинтересованъ былъ тѣмъ, насколько группировка говоровъ, сдѣланная въ «Трудахъ» на основаніи матеріала, который собранъ былъ въ 1874 г., соотвѣтствуетъ современнымъ даннымъ. Формулируя между прочимъ результаты своихъ наблюденій, Чубинскій говорить слѣдующее: «Сопоставляя разныя мѣстныя топографическія особенности края, населеннаго Южно-руссами, съ древнѣйшими группами этого племени и современнымъ этнографическимъ его распределеніемъ, мы замѣчаемъ поразительную связь между характеристическими особенностями всѣхъ этихъ явлений. Горы и равнины, лѣса, степи и болота, бассейны рѣкъ, а также разныя переходныя мѣстности, какъ, напр., сплошныя волнобразныя возвышенности, широкія поля, усыпанныя лиственными дубровами, всегда болѣе или менѣе опредѣляютъ собою обиталище отдельнаго этнографического типа со свойственными ему особенностями речи. Совпаденіе всѣхъ этихъ разнообразныхъ явлений представляетъ собою въ высшей степени интересный

предметъ для изслѣдованія». ¹⁾ Группируя затѣмъ южно-руссовъ по тремъ главнымъ типамъ, а именно: Украинцевъ, Полѣщуковъ и Русиновъ и устанавливая въ этнографическомъ и лингвистическомъ отношеніяхъ гармоническое разнообразіе, тѣсно связанное притомъ съ топографическими особенностями разныхъ частей, труды Чубинскаго группируютъ по этимъ тремъ категоріямъ и діалектологія особенности. Такимъ образомъ, территорія, намѣченная мною для изслѣдованія, населена частью типомъ Полѣщуковъ (весь Овручскій уѣздъ съверная полоса Житомирскаго уѣзда, съверная часть Новоградъ-Волынскаго уѣзда и большая часть Ровенскаго уѣзда) и частью Украинцевъ (Ковельскій и Луцкій уѣзды), и стало быть это была область нарѣчій Украинскаго и Полѣщескаго, если держаться теоріи «Трудовъ», или съверо-малорусскаго, если основываться на мнѣніи Соболевскаго. Имѣя въ виду эти данныя и установивъ для себя цѣли поѣздки я отправился въ путь 22 іюня и поѣстиль слѣдующія мѣста: *С. Буцінъ, м. Камень-Коширскъ, Повурскъ и Чорнче Ковельскаго уѣзда, Градье Луцкаго уѣзда, с. с. Большой Житинъ, Стрѣльмскъ, Люхче, Глушица, Сарны Ровенскаго уѣзда, Рокитно, Олевскъ, Юрову, Копище, Блуунъ, Словечно, Можары, Левковичи* Овручскаго уѣзда. Остановившись затѣмъ въ Овручѣ, я рѣшилъ предпринимать отсюда поѣздки по радиусу въ разныя стороны, а именно: на съверо-востокъ въ *Людиновку и Выступовичи*; на востокъ—въ *Ласки и Христиновку*; на юго-востокъ—въ *Калиновку и Ходаки* и на югъ по направлению къ Искорости въ село *Иннатополь и Васильчи*. Однако, этотъ планъ я не могъ осуществить полностью, такъ какъ вслѣдствіе развившейся холерной эпидеміи въ юго-восточной части Овручскаго уѣзда и частью на окрайнѣ восточной части этого уѣзда, а также вслѣдствіе враждебнаго отношенія съеврѣнныхъ крестьянъ ко всемъ пріѣзжавшимъ изъ города «панамъ», о чёмъ мнѣ сообщилъ непремѣнныи членъ Овручской уѣздной Управы М. Г. Никитинъ, которому я обязаинъ устройствомъ меня въ отношеніи къ безпрепятственному полученію земскихъ лошадей,ѣхать въ эти мѣста представлялось не только рискомъ, но и

1) Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ Западно-Русской край. Юго-Западный Отдѣль. Матеріалы и изслѣдованія, собр. П. П. Чубинскимъ, т. VII, стр. 459.

обѣщало успѣха въ томъ дѣлѣ, ради котораго я предполагалъ туда поѣхать. Поэтому я успѣль побывать только въ Выступовичахъ и Людиновкѣ, а также въ Ласкахъ; затѣмъ, отправившись въ Искорость, имѣль остановку въ с. Васьковичахъ. Послѣ дневного отдыха въ Искорости и обозрѣнія историческихъ достопримѣчательностей, я направился на югъ къ Житоміру. На пути къ Житоміру я останавливался на нѣсколько часовъ въ с. Могильно (верстахъ въ 8 отъ Искорости), расположенному на рубежѣ двухъ уѣздовъ Овручскаго и Житомірскаго, предполагая отмѣтить тѣ особенности говора, которыми позволяютъ мнѣ ориентироваться въ выясненіи особенностей говора по уѣздамъ¹⁾.

Поѣзда по Полѣсью заняла время съ 22 іюня по 10 іюля, когда я прибылъ въ Житоміръ. Здѣсь мнѣ пришлось познакомиться съ нѣкоторыми изъ членовъ мѣстнаго «Общества изслѣдователей Волыни», которое существуетъ съ 1900 года и насчитываетъ до 200 членовъ. Записавшись въ члены общества и получивъ труды въ IV томахъ, я сталъ читать то, что имѣло ближайшее отношеніе къ цѣли моей поѣздки, при чемъ встрѣтилъ три статьи: 1) С. Бѣльского: С. Ковали Житомірскаго уѣзда, 2) В. Г. Кравченко: Свадьба въ селѣ Курозванахъ (т. I, стр. 1) и 3) П. А. Тутковскаго «Зональности ландшафтовъ и почвъ Волынской губ.» (т. II, стр. 142 — 163). Особенное вниманіе мое привлекла статья Кравченко, въ которой авторъ ея высказываетъ между прочимъ то, что онъ сохранилъ при записяхъ не только дословность діалоговъ лицъ, участвующихъ «на весіллї», дословность передачи пѣсни, но и слова разсказчика, дабы показать, что обрядовые діалоги и пѣсни, передаваясь изъ рода въ родъ, синтаксически и этимологически мало измѣнялись²⁾. При этомъ по мнѣнию автора образцомъ новаго языка служить рѣчь разсказчика, а стараго — діалоги «весільныхъ» и «іхні пісні». Не признавая между ними большой разницы, авторъ этой статьи, напечатанной еще въ 1902 году, констатируетъ усиливающееся съ каждымъ днемъ вліяніе виѣшнаго міра на деревню и дѣлаетъ выводъ, что «говоръ народный въ близкомъ будущемъ долженъ измѣняться въ соответствующей прогрессіи³⁾. Неболь-

1) См. выше, стр. 70.

2) Труды «Общества изслѣдователей Волыни», т. I, стр. 119.

3) Ibid.

шое, но вполнѣ основательное предисловіе, обстоятельная запись обрядовъ, коими сопровождается свадьба, свидѣтельствуютъ, что статья принадлежитъ лицу опытному въ дѣлѣ записей народныхъ произведеній и не съ внѣшней, только технической его стороны, а и съ внутренней; кромѣ того авторъ статьи обнаруживаетъ не только интересъ къ этнографіи, но, что особенно важно и рѣдко, къ діалектологіи. Мое личное знакомство съ авторомъ ея, къ чemu меня побуждали положительныя качества статьи, открыло мнѣ цѣлую огромную сокровищницу народныхъ произведеній, собранныхъ В. Г. Кравченко въ разныхъ мѣстахъ Украины, и въ особенности въ Волынской губерніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ выяснило, что въ лицѣ его я вижу того сотрудника Гринченко, подъ редакціей коего были изданы материалы народныхъ произведеній, среди которыхъ не мало записано В. Г. Кравченко. Состоя чиновникомъ акцизаго вѣдомства, г. Кравченко, объезжалъ села и деревни, по обязанностямъ службы; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ проживалъ болѣе или менѣе продолжительное время. Результатомъ этого были обширныя по объему и цѣнныя по качеству записи. Пользуясь любезностью г. Кравченко, я разсматривалъ этотъ материалъ, котораго хватить на 20 печатныхъ листовъ. Материалъ этотъ охватываетъ всѣ стороны быта Украины во всемъ ея разнообразіи, и по моему мнѣнію заслуживаетъ того, чтобы возможно скорѣе его напечатать. Къ сожалѣнію Общество изслѣдователей Волыни печатаетъ въ своихъ «Трудахъ» не только статьи по этнографіи и діалектологіи, но по геологіи, экономическимъ вопросамъ, и при этомъпорядкѣ печатанія статей въ связи съ отсутствиемъ средствъ, коимъ страдаетъ большинство нашихъ провинціальныхъ ученыхъ обществъ, печатаніе материаловъ, собранныхъ В. Г. Кравченко, можетъ затянуться на много лѣтъ. Поэтому было бы справедливой наградой для труженика, безкорыстно занимающагося этнографіей и діалектологіей, а равно и законнымъ поощреніемъ его труда отпустить со стороны Академіи Наукъ необходимую сумму для напечатанія этихъ материаловъ или же напечатать ихъ возможно скорѣе въ изданіяхъ Академіи Наукъ, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ будутъ удовлетворены запросы науки, могущей строить выводы лишь только на надлежащемъ материалѣ, который въ данномъ случаѣ тѣмъ цѣннѣе, что собиранье его требуетъ умѣнія, опыта и притомъ соединяется съ

большими трудностями. Не вдаваясь въ оценку материаловъ, собранныхъ В. Г. Кравченко, прилагаю при семь оттискъ части ихъ, печатаемыхъ въ «Трудахъ» Общества, для сужденія о томъ, насколько высказанное мною предположеніе о напечатаніи ихъ заслуживаетъ удовлетворенія въ той или иной мѣрѣ и степени. Третья статья местного геолога П. А. Тутковскаго¹⁾ обратила мое вниманіе потому, что въ ней, несмотря на ея специальный характеръ, выражена мысль о связи между характеромъ почвы, ея геологическимъ строеніемъ и особенностями языка; эту мысль авторъ категорически высказываетъ относительно одной изъ частей Волынской губ., именно области зоналесового ландшафта. О другихъ онъ дѣлаетъ предположеніе. Наконецъ статья Бѣльского «С. Ковали, Житомирскаго уѣзда»²⁾ даетъ вполнѣ добросовѣстное и подробное описание этой деревушки, интересное подробностями этнографического характера, а также диалектологическими особенностями народнаго говора даннаго села. Поездкой въ Житомирѣ и пребываніемъ тамъ я рѣшилъ закончить свое путешествіе въ виду обилия собраннаго материала и необходимости сгруппировать его, привести въ порядокъ, а затѣмъ въ виду приближавшагося (7-го августа) начала учебныхъ занятій во вѣренной мнѣ четвертой женской гимназіи и необходимости подготовить все къ этому началу. Такимъ образомъ, я не выполнилъ только заключительной части своего путешествія, именно отъ Житомира до Костополя въ указанномъ мною выше направлениі³⁾, хотя эта поездка, въ виду обширности намѣченаго мною района, представлявшаяся крайне желательной, и не вошла въ кругъ мѣстности для обязательнаго посѣщенія въ это лѣто. Кроме того я не постигъ восточной окраины Овручскаго уѣзда и юго-восточной его части⁴⁾. Но, благодаря любезности В. Г. Кравченко, я получилъ материалы, характеризующіе говоры этихъ мѣстностей; вслѣдствіе этого въ отношеніи посѣщенія района намѣченной мною территории могу считать свой планъ въ общемъ выполненнымъ. Поездка же отъ Житомира до

1) Зональность ландшафтовъ и почвъ Волынской губ. Труды «Общества изслѣдователей Волыни» т. II, 1910 г. ст. 143—163.

2) «Труды», т. II, 1911, стр. 1—41.

3) См. выше стр. 69.

4) Ibid.

Костополя, посѣщеніе Владиміръ-Волынскаго уѣзда и нѣкоторыхъ частей Ровенскаго, Ковельскаго и Луцкаго уѣздовъ въ цѣляхъ собиранія матеріала, необходимаго для полноты выводовъ предположеннаго мною изслѣдованія «О народныхъ говорахъ Волынскаго полѣсъ», я отложилъ для предстоящаго лѣта, если только не будуть служить помѣхой тому мои служебныя обязанности.

Приступая къ обзору собраннаго мною матеріала, нахожу не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какихъ техническихъ пріемовъ я держался при собираніи матеріала. Имѣя въ виду соблюсти строгую точность при записываніи, я поступалъ такимъ образомъ: записанное въ извѣстномъ селѣ или деревнѣ я возстановлялъ, переписывая по вечерамъ то, что было мною записано днемъ. Такимъ путемъ я старался избѣжать могущаго быть смѣшанія звуковыхъ особенностей говора одной деревни съ особенностями другой, такъ какъ все, что записывалось въ извѣстномъ мѣстѣ, закрѣплялось непосредственно сейчасъ же со всею точностью посредствомъ переписки.

Переходя къ обзору собраннаго мною матеріала, я долженъ сказать, что первая изъ поставленныхъ мною цѣлей-собираніе и запись матеріаловъ выполнена мною съ нѣкоторой долей успѣха. Подведенный мною итогъ поѣздки выразился въ слѣдующихъ результатахъ.

- 1) Въ с. Буцинѣ мною записано 29 пѣсень, три похоронныхъ при чтанья и одинъ разсказъ.
- 2) въ м. Камень-Коширскѣ 16 пѣсень и 3 рассказа.
- 3) въ с. Градѣ 4 пѣсни, похоронные обычай и примѣты.
- 4) въ с. Чориче 16 пѣсень.
- 5) въ с. Рокитно-описаніе праздника Купалы, свадебныхъ обрядовъ и нѣсколько пѣсень.
- 6) въ с. Кошицахъ 22 пѣсни, четыре при чтанья, и описание свадебного обряда съ пѣснями.
- 7) въ м. Словечно 6 пѣсень, одинъ разсказъ и похоронная при чтанья.
- 8) въ с. Ласкахъ 7 пѣсень.
- 9) въ с. Выступовичахъ одна пѣсня.

Кромѣ того записано не мало разговоровъ, веденныхъ мною съ крестьянами тамъ, гдѣ записаны пѣсни и рассказы, а равно и тамъ, гдѣ записать пѣсень не представилось возможности. Такие разговоры записаны мною въ с. Стрѣльскѣ (Ровенскаго уѣзда) и на пути въ с. Стрѣльскѣ (между Сарнами и д. Глущицей), въ с. Сарнахъ, въ м. Олевскѣ, въ небольшомъ поселкѣ около села Копище (верстахъ въ 7 на пути изъ Юровой въ Копище); въ Воробьевыхъ корчмахъ (на пути изъ с. Копище въ м. Словечно), въ с. Антоновичахъ и с. Бѣгунь (вблизи м. Словечно), въ с. Васьковичахъ, въ с. Бѣхахъ и въ с. Могильно (на югъ отъ Искорости 8 вер.) и въ м. Искорости. Наконецъ, проѣзжая и черезъ другія, кромѣ перечисленныхъ выше сель, я дѣлалъ бѣглые замѣтки каждый разъ въ томъ случаѣ, когда разговоръ, слушателемъ коего я былъ, представлялъ какую-нибудь особенность, важную для характеристики говора вообще, и интересную для данной мѣстности въ особенности.

Всѣ поименованныя выше записи пѣсень и рассказовъ дѣлаемы были преимущественно со словъ лицъ неграмотныхъ, на произношеніи коихъ не могло отразиться вліяніе книжнаго языка и книжной орографіи. Въ случаѣ смѣшаннаго состава лицъ, пѣвшихъ мнѣ пѣсни, я обращалъ вниманіе на говоръ лицъ старшаго возраста и притомъ, если и было различіе въ произношеніи, я его отмѣчалъ¹⁾, полагая въ основаніе записей именно то произношеніе, какое я наблюдалъ у неграмотныхъ и пожилыхъ поселянъ.

Выясненіе особенностей современныхъ народныхъ говоровъ Волынскаго Полѣсъя я постараюсь сдѣлать на основаніи собраннаго матеріала лишь въ общихъ и главныхъ чертахъ, при чемъ собранный мною матеріалъ можетъ быть подраздѣленъ на двѣ группы, а именно: основаніе для сужденія о говорахъ первой, или западной части посѣщенной мною территоріи даютъ записи и замѣтки, сдѣланныя мною въ с. Буцинѣ, Повурскѣ, Градѣ, Чорнче, м. Камень-Коширскѣ и с. Рокитно (крайній пунктъ на востокѣ этой части); основаніе для характеристики говоровъ второй или восточной части даютъ записи и замѣтки, сдѣланныя мною главнымъ образомъ въ с. Копищахъ, м. Словечно, с. Выступовичахъ,

1) См. ниже (с. Копище) стр. 29 и 32.

Ласкахъ, Васьковичахъ, м. Олевскѣ, с. Могильно. Устанавливая эту группировку материала примѣнительно къ особенностямъ говоровъ, я имѣль въ виду различіе въ произношеніи дифтонговъ или тѣхъ звуковъ, которые ихъ вытѣснили и продолжаютъ вытѣснять въ настоящее время, затѣмъ особенности, связанныя съ лабіализаціей и палатализацией, и наконецъ тѣ черты белорусского нарѣчія, которымъ получили свое выраженіе въ той или иной мѣрѣ и степени. Такая группировка однако въ своемъ значеніи ограничивается лишь только посѣщенной мною территоріей, которая не включаетъ въ себя *всего* Волынского Полѣсья; поэтому при собираніи мною новыхъ дашихъ, касающихся Волынского Полѣсья, возможны и допустимы измѣненія въ установленной мною группировкѣ, которую я не считаю неизмѣнной, постоянной и обязательной.

Для образца привожу нѣсколько пѣсень, характеризующихъ говоръ западной части посѣщенной мною территории.

М. Камень-Коширска.

1. За горою, за крутую тамъ я журбайку журу,
Ныхто горушкіе ны знае, якъ я зъ мылымъ ростаюсь.
Моя мыла дорогая, въ нась розлuka тяжка.
Розлучыла нась зъ тобою чужа-дальня сторона.
Засывычу я ясну съвычу ныхай горыть хоть до дня.
Горы, горы ясна съвыча, горы, ны згашай
Ты жъ мый мылый, чорнобрывый, ко мні въ госцы
прыїжджай.

Ны прыйду, моя мыла, бо въ ныволюшкі сиджу.
За стындою камынною, за рішоткой дротяною.
Я въ ныволюшку попавса зъ своей дурной головою.

2. Даесь нашъ сынъ забарѣвся
Зъ кімъ бо вынъ подарѣвся
Вызэ сынъ подарочкіе
Зъ білыйі кітачкіе
Одъ сваіі коханочкіе.

Въ селѣ Градѣ.

1. Нашъ панъ домўйе, домўйе¹⁾

Жэнчыкамъ вычёрайку готўйе.

Курыща²⁾ дорожка, курыща

Нашъ паночко журыща,

Шо трэба кёныка продаты,

Жэнчыкамъ горылочки даты.

Красалэ сэрпачкіе красалэ,

Покы (и покэ) жыточка дожалы,

А тыпэръ ны будутъ красаты,

Будутъ у коморэ лэжаты.

Въ селѣ Буцинѣ.

1. Въ чіестому полю на кльонку

Высыть колысочка на шоуку.

А у тый колысці дытына

Молодасынькій Гаврылко.

Колыштэ мынэ высоко,

Щобъ я зобачыў далёко.

Ой дэ дівчына гуліе,

Густэ жістычко зжыяе.

Повій вітрэйку юзь дубка

На хорошого парубка,

Повій вітрэйку зъ лыщынбэ

До хорошай дівчынбэ.

2. Наша кгоспоя у дома,

Намъ вычёрайка (и вычэронька) готова.

А якъ ны бўдэ готова,

Ны ночоватымъэ у дома,

Ночоватымъэ у лысымъэ,

Якъ ластувойка у стрысымъэ,

1) Домўйе—т. е. сидитъ дома.

2) Курится, на ней поднимаются столбы пыли.

Ночуватымѣ у полѣ
Пры зылѣнѣйкій дубровыѣ.

Въ селѣ Рокитно.

1. На Купала огнь го́рить,

Купайло ләлѣ вэчоріе

Чырызъ буръ зэлэнѣнѣйкій

Кунь бәжыть воронѣнѣкій,

А жъ нѣ самъ бо бәжыть,

На июмъ Данылко сѣдѣть.

Пэрэймѣ Настѣ коня вороного

Да й мынѣ молодо́го.

2. Повій ві́етру въ нашу съвѣтольку!

Въ нашей съвѣтлыцы хорошиє коровайныци

Зъ ручанькамы біеленѣкі мы,

Зъ пэрениами золотенѣкі мы.

3. Сыдѣть голубъ на дубочку жалѣ бно воркуе,

Сыдѣть дівча пудь хатою горынъко горуе.

— «Цы бызъ щасця вродиласа, що бызъ долі гыну,

Цы такейі кумѣ бралыѣ, щасця-долы мні ны далыѣ;

Цы ты мынѣ, моя маты, у цэркву ны носыла,

Що ты мыні молоденѣкі долі ны впросыла.—

— «А я у цэркву носыла—Богу молылася,

Така жъ тобі, моя доню, доля судылася».

— «Цы ты мынѣ, матьѣ, та тогдї ¹⁾ прокляла,

Якъ ты мынѣ маленѣкію у күпэлю кушала».

— «Ой ны кляла, моя доню, ны кляла ивыколыѣ,

Тыко ²⁾ йідэнъ разъ сказала: щобъ ны маля долыѣ».

— «Зашо було, зашо матьѣ, такъ тяжко вклінатыѣ?

Лішшай було, моя матыѣ, на світъ ны пускатыѣ;

1) Двойниковые формы: при «тогдї» говорится и «тоді».

2) Тыко = только.

Лішэй було, моя матыә, въ кўпылі втоныѣ.
Ныжъ я маю нышаслава на съвіточку жэтыә.
— «Ны плачъ, ны плачъ, моя доню, слъзозъкъ
ны розлывай.

Щэты на съвіть ны родылася, якъ Быгъ долю давъ.

На основаніи этихъ пѣсенъ, а также и другихъ записанныхъ мною словъ, выражений и замѣтокъ можно свести особенности этой группы говоровъ къ слѣдующимъ:

1. Отсутствіе слѣдовъ вліянія белорусскихъ говоровъ, какъ въ фонетикѣ, такъ и морфологіи. Исключение представляетъ одинъ случай аканья: пшаніца (с. Буцинь); нѣсколько случаемъ цеканья: «цы» на мѣстѣ чи, напр.: цы бытъ щасця вродылася (м. Камень-Коширскъ).

2. Особенности, характеризующія по мнѣнію А. И. Соболевскаго сѣверно-малорусскіе говоры, наблюдаются здѣсь прежде всего въ появлениіи слѣдующихъ дифтонговъ при произношеніи, а именно:

а) іє (на мѣстѣ i), напр. въ честому полю, жіетычко (с. Буцинь и с. Повурскъ); ўїдты — Ѣдты (д. Глушица вблизи Сарнъ); подарочки, кітаечкіе (м. Камень-Коширскъ).

б) іє (на мѣстѣ i изъ ё), напр. віетру, біелэнкій (с. Рокитно); чоловіек (с. Стрѣльскъ); однако при этихъ формахъ есть и такія: вітрайко (с. Буцинь).

в) ў, ўо, ўэр, напр. бульшъ (и буйельшъ), вуйчъ (с. Сарны); буръ (= боръ), мүе, куханэ, спудніцу (с. Рокитно); друбыній (с. Буцинь); туйолькі (с. Чорнче).

г) дифтонгическая сочетанія ыє: у лысѣ, у полыѣ, у стрысѣ, ны ночоватымѣ и ночоватымъ (въ с. Буцинѣ), до дівчыены (м. Камень-Коширскъ).

д) бэкъ и бъэкъ — быкъ (с. Люхче, на сѣверъ отъ Сарнъ и село Стрѣльскъ).

Относительно всѣхъ этихъ особенностей нужно замѣтить, что вполнѣ опредѣленную огласовку въ произношеніи получаютъ дифтонги іє и ў, менѣе опредѣленную и притомъ реже встречаются уо, уэр; эти послѣдніе

(уо, уэ, юо) употребляются чаще въ стянутомъ видѣ съ отчетливыми вполни характеромъ стяженія ихъ и кромѣ того съ длительнымъ характеромъ того гласного звука, который явился результатомъ стяженія, какъ напримѣръ: муй, буръ, дальбугъ¹⁾), запрюгъ, бульшъ, вунъ (с. Сарны, с. Буцинъ, с. Повурскъ) и др.

При произношениі этихъ дифтонговъ наблюдается та особенность, что въ дифтонгахъ іе, іэ преобладаетъ вторая часть въ болѣе значительномъ количествѣ случаевъ, чѣмъ первая, а въ дифтонгахъ уо, уэ— первая; двойниковые формы въ произношениі дифтонговъ наблюдаются только въ дифтонгахъ уо, уэ, когда при стянутыхъ формахъ встрѣчаются и нестянутыя при бульшъ-буэлышъ и буолышъ; при тулькі-туолькі и туэлькі.

3. На мѣстѣ А ударяемаго съ предыдущей мягкостью согласнаго въ произношениі слышится е и іе, напр., мнѣсо, гарѣчай, сэрьмѣга (с. Буцинъ, Повурскъ, м. Кашовка); есть и сермѣга.

4. На мѣстѣ И ударяемаго встрѣчаются въ произношениі Э, напр. ходѣты, носѣты, косѣты, забарѣвся, подарѣвся, (сс. Камень-Коширскъ, с. Буцинъ, Стрѣльскъ, Сарны), жнѣся (=жнись) с. Буцинъ.

5. Звукъ О представляетъ ту особенность, что замѣстителемъ его подъ ударенiemъ является у, напримѣръ: вулъ, кунъ; этого же замѣстителя мы встрѣчаемъ и въ слогахъ безударныхъ, напримѣръ: купуваты. Наконецъ замѣстителемъ О— безударнаго является Э и ЫЭ въ оконч.

1 л. множеств. числа: ночоватымъ, и ночоватымъэ.

6. Звуки И и Е— безударные чередуются другъ съ другомъ, напр.: тыпѣръ и тѣпѣръ, молодѣсынькій и молодѣсэнъкій и др. Въ заключеніе замѣчаний о произношениі гласныхъ слѣдуетъ замѣтить, что характерную особенность говоровъ этой группы составляетъ звукъ і, который въ большинствѣ случаевъ является широкимъ и открытымъ, соотвѣтствуя литературному Ы.

1) Форма божбы, употребляющаяся въ другихъ говорахъ, какъ «далбі» и дальбігъ (=польск. dalibug).

7. Твердость согласныхъ звуковъ, характеризующая съверно-малорусскіе говоры, здѣсь представляетъ особенности, выражающіяся въ разнообразіи ихъ произношенія; болѣе последовательно выраженную твердость можно наблюдать лишь при произношениі губныхъ *b* и *n*, напр.: збэрока, съпеваютъ (с. Градѣ, с. Повурскъ), обыльлося (с. Камень-Коширскъ). Эти примѣры типичны, какъ указывающія на твердость отмѣченныхъ губныхъ въ произношениі; однако при твердости ихъ можно указать также и случаи умягчительности, хотя и очень рѣдкіе, напр.: бігты (= бѣжать).

8. Что касается другихъ согласныхъ, то нѣкотораго вниманія заслуживаютъ *r* и *l*.

Переднеязычный голосовой звукъ, дрожащій *r* бываетъ то твердымъ, какъ напримѣръ: радокъ, запрагаты (с. Буцінь, с. Повурскъ и др.), то среднимъ по мягкости, какъ напримѣръ, грѣзла (с. Рокитно), горѣлочка (с. Градѣ), по рэночки, то мягкимъ, какъ напримѣръ: за рішоткой (с. Камень-Коширскъ), трѣ года (с. Буцінь и др.).

9. Нѣкоторую аналогію съ звукомъ *r*, представляетъ небно-зубной, голосовой отчасти дрожащій *L*, являющійся то твердымъ, какъ напр. пошле (= пошлі, посылатъ) щаслыіый; то мягкимъ, напр.: стылооче.

10. Задненебный Г представляетъ ту особенность, что является въ произношениі не только длительнымъ, фрикативнымъ, но иногда и мгновеннымъ, напримѣръ, кгосподарь, кгоспося (с. Буцінь, с. Повурскъ); такихъ случаевъ не много.

11. Отсутствуетъ по мѣстамъ смягченіе *d* въ дж и въ ж. Въ с. Рокитно говорять: ходю; тоже наблюдается и въ с. Градѣ.

12. Форма 3 л. ед. ч. СА чередуется съ СЯ; въ восточной части этой половины территоріи СА и ЦА; въ Рокитно и Градѣ говорятъ: нальвайца, збэрояца, осталаса, хотя въ Рокитно встрѣчаются случаи съ СЯ, напримѣръ: остался. Въ Буцінь и Камень-Коширскъ преобладаетъ формы на ся.

13. На мѣстѣ общерусского *ve* въ имен.-винит. ед. ч. средн. рода встрѣчается *e* съ удвоеніемъ предыдущаго согласного звука, такъ и я, напримѣръ: вѣслле и веслля (с. Рокитно).

14. Особенность въ образованіи существительныхъ уменьшительныхъ, состоящая въ томъ, что суффиксъ ОНЬК замѣняется суффиксомъ ОЙК. Этую особенность приходится наблюдать особенно въ Буцинѣ, Камень-Коширскѣ, напримѣръ: жўрбойка, вычэройка и др.

15. Окончаніе 3 л. ед. числа наст. врем. имѣеть суффиксъ ТЬ, напримѣръ: сыдыть (м. Камено-Коширскъ), высыть (с. Буцинъ).

16. Окончаніе 1 л. множеств. числа МО чередуется съ МЪ, напримѣръ: пожнамо и пожнэмъ (сс. Буцинъ, Камень-Коширскъ, Большой Жытынь и др.).

Переходя къ описанію говоровъ восточной половины посѣщенной мною территоріи, необходимо замѣтить, что въ настоящее время нѣкоторые виды той группировки (по волостямъ), какая сдѣлана А. И. Соболевскимъ, должны быть признаны не существующими, такъ какъ, напримѣръ, ни Ласковской, ни Людиновской волости теперь нѣтъ. Кроме того въ сравненіи съ тѣми особенностями, какія приведены въ «Очеркахъ» А. И. Соболевского, произошли нѣкоторыя измѣненія въ говорахъ. Самыми характерными для говоровъ этой половины посѣщенной мною территоріи являются записи, сдѣланныя мною въ с. Копицахъ (2 версты отъ границы Минской губ.), а затѣмъ записи и замѣтки, сдѣланныя въ м. Словечко и въ сс. Выступовичахъ и Ласкахъ.

Вотъ нѣкоторые образцы пѣсенъ, записанныя въ селѣ Копицахъ.

Изъ свадебныхъ пѣсень.

- a) Де тая маці?
Пара завіаці,
Кого намъ наслáці,
Завівала узайді.
- б) Суйтеса, подоляночкі,
Съ пікуці да на лаўочкі
Нехай сідзе літвінъ
Да зъ своею літвінкою (ліцвінкою)
Зъ любою розмовкою.

в) Не стойце далёко,
Приступіть (приступите) бліз'енько,
То мы будемъ знаці,
Кого частувачі.

г) Ой браце!
Вяде молоду рано ранюсенько.
Віедучті тай пытае рано ранюсенько.
Ой кого зъ кімъ розлуччїці.
Хто тобі, сістрò, мілëй увсіхъ.

д) Скушы, скушы, свату!
Поранку ходзілі,
Шэлягі (= деньги) збералі.

е) Німа гіршъ нікому,
Кому якъ сиротінчікі.
Да ніхто не прыгёрне
Пры ліхой годзіночків.

Не прыгёрне ёцецъ,
Не прыгёрне маці,
Тулькі той прыгёрне
Хто думáе взяці.

Въ м. Словечно.
Зашуміела ліщыночка,
Заплакала дівчиночка,
Заплакала, затужіла,
Нема того, шо любыла.
Німа того, дай не буде
Розраділі мэнє люде,
Розраділі, розсуділі,
Шубъ (шобъ) мы ў пáré ні ходілі.

Въ селѣ Копищахъ.

1. Пу надъ городомъ, пу надъ клѣткою
Калина моя чырвоная ягода.

Тамъ ходзіла сълечная панина,

Ходзіла ѹ каліну щіпала,

Каліну щіпала, къ лічку рувняла,

Къ лічку рувняла маці пугаля (= спрашивала):

«Матухно моя! кобъ (= еслибъ) я такая,

Екъ каліша сяя — чырвоная радосьць,

Той бы я вушла за дворашніа

Дворане хорошэ ходяць — дзіла ні робляць,

За двораніномъ добре жыты і дзіла ні робіті.

2. У садочку да пробыла ножечку на дрозошку,

Быэлыть моя ножечка болыно.

Любывъ барынь дзешушку да ны доўго.

Ні на доўго врэмечко, на часочекъ,

Да пойіхавъ Йіванюша ў городочокъ.

За німъ дзешушка у сліедочокъ.

Бегла бегла дзешушка ні дагінала,

Села пудъ вышиеню адыхала,

Легла пудъ вышиеню тай заснула.

Прыйіхавъ Йіванюша да ны чула.

Гойі, гойі¹⁾ спаты дзешушко, пробудіса,

На мою колясочку подівіса,

Моя колясушка ні простая,

Моя старонушка дальокая.

Въ селѣ Ласкахъ:

Изъ свадебныхъ.

1. Помолывшэся Богу

Едъ (поѣзжай) сыпку ў дорогу.

Да у дорогу щасливу,

Да по мылуй (= за милой) чорнобрыву.

2. Закіядай, мамко, трёскі,

Сподывайса, мамо, нывесткі.

¹⁾ Годі, достаточно.

Екъ (и якъ) діежу ты мэсыла, той мэсы;
 Екъ хату мыла (подметала), той мэты;
 Тўолькі тая слава, що нэв'есткі (и ныв'есткі) дуждала.

3. А крывого таньца

Да нэ вывіедамо концà,
 Хучъ вывіедомъ конéцъ,
 То на батэнъкоў дворэцъ.

Относительно этой группы говоровъ слѣдуетъ сказать, что замѣтно вліяніе бѣлорусскихъ говоровъ особенно въ Кошицахъ и отчасти въ Выступовичахъ и Людиновкѣ. Въ с. Выступовичахъ мнѣ приходилось слышать разсказъ старенькаго священника о. Томиловскаго, который прослужилъ 50 лѣтъ въ должности псаломщика, а затѣмъ 15 лѣтъ въ должности священника въ этомъ селѣ. Онъ сообщилъ, что прежде крестьяне говорили очень плохо («такъ якъ ліцвіны») «дзікалы и цікалы», а теперь говоръ ихъ значительно лучше. Если принять во мниманіе, что здѣсь въ церкви находится чудотворная икона, въ честь коей бываютъ особые празднества («отпусты»), собирающіе много народа, то съ полною достовѣрностью надо предположить дифференціацію говора, подвергавшагося систематической нивелировкѣ, при которой важнымъ обстоятельствомъ слѣдуетъ считать то, что на богомолье приходили и приходятъ главнымъ образомъ съ юга, а не съ сѣвера.

Особенности бѣлорусскихъ говоровъ, которыя наблюдаются въ говорахъ этой части посѣщенной мною территории, можно отмѣтить слѣдующія:

а) мягкая *д* и *т* передъ гласными въ концѣ словъ и передъ *В* произносятся какъ *ДЗ* и *Ц*, напримѣръ: поціала, гдзѣ, плакаць, завіваць и др. (с. Кошице, Воробьевы корчмы), при чемъ формы съ *Ц* (теканье) встрѣчаются въ большемъ количествѣ, чѣмъ особенность, состоящая въ произношеніи *ДЗ* на мѣстѣ мягкаго *Д*. Наиболѣе ярко и полно эти особенности можно наблюдать въ говорѣ с. Кошицъ. Что касается остальныхъ мѣстъ (сс. Выступовичи, Людиновка, Ласки, м. Словечно), то здѣсь почти нѣть этихъ особенностей, говорю *почти*, потому что только

въ Выступовичахъ и въ Ласкахъ мнѣ пришлось отмѣтить нѣсколько случаевъ цеканья: робіць, цібѣ. Говоря о цеканѣ, надо прибавить, что въ произношениі можно наблюдать двойниковые формы: поцірала и потірала; робіць и робіть. Наконецъ, любопытное явленіе представляеть эта особенность, если ее наблюдать въ обычномъ разговорѣ и наблюдать, когда поются пѣсни: въ послѣднемъ случаѣ эти особенности выражаются болѣе послѣдовательно и систематически постоянно; между тѣмъ въ разговорѣ эти особенности наблюдаются, во-первыхъ, въ значительно меньшемъ количествѣ, а затѣмъ, ихъ нѣть въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ приходится наблюдать при пѣніи пѣсень, напримѣръ: ходіті, гомоніті и др.

б) У неударяемое приближается въ произношениі къ *B*, а въ свою очередь въ передѣ согласными и въ концѣ словъ произносится какъ *y*, напримѣръ: дѣўка, ўѣй, якоў, узяці (с. Кошище), батэнъкоў (с. Ласки), воронэнъкоў (м. Словечно).

в) Встрѣчаются случаи появленія ў (неслогового) на мѣстѣ *L* въ серединѣ словъ и въ концѣ формъ прошедшаго времени, причемъ ў образуетъ вмѣстѣ съ предшествующими гласными одинъ звукъ — дифтонгъ, напримѣръ, доўго, уѣхаў, зваліў, воўкі (с. Кошище, Воробьевы корчмы).

г) Аканье выражается въ произношениі сравнительно въ небольшомъ числѣ случаевъ, напримѣръ: калібъ, шаўковенъкой, на твой и под. (с. Кошище); въ большинствѣ же случаевъ приходится наблюдать неполное аканье, особенно при произношениі звука *O*, который является склоннымъ къ *A*, при чёмъ *O* получаетъ преобладающее значение въ произношениі и опредѣленную огласовку; вслѣдствіе этого я бы называлъ это *полуаканьемъ*; примѣры: воўкі, оўстайліса, при доўлі (с. Кошище и др.); почти тоже можно сказать о тѣхъ случаяхъ, когда бы мы ожидали появленія *a* съ предыдущей мягкостью на мѣстѣ *E*, напр. не^т твой, вѣ^тде и др.

д) Р представляетъ разнообразіе въ произношениі, являясь то твердымъ, какъ напримѣръ: зъ гора, то мягкимъ вполнѣ, какъ, напримѣръ: угрібайся (обгоняй мухъ), ў морі, зарізалі (с. Кошище).

II. Параллельно съ этими особенностями белорусскихъ говоровъ слѣдуетъ отмѣтить дифтонги:

- а) іє 1) на мѣстѣ Т, напримѣръ: зашумѣла (м. Словечно), нывієсткі, діежу (с. Ласки), поміещыків (с. Копище); 2) на мѣстѣ Е и И, напр., тріескі, закіедай (село Ласки), затужіела (м. Словечно), щіе не відно, сцієжка (с. Копище).
- б) УО, напримѣръ: вуона, хорошуй (с. Копище), п'огляды (село Ласки), куоснычкі (коснычкі) с. Ласки и др., вуоль, куонь, а чаще: кунь и вулъ.
- в) УЭ, напримѣръ: куэль (=кона —конь).
- г) ОУ напримѣръ: Боугъ (с. Гунычи изъ матеріаловъ В. Г. Кравченко), позоуба́лі = поклевали (с. Копище).
- д) ЙЭ напримѣръ: бѣлить = болить (с. Копище).

Изъ перечисленныхъ мною дифтонговъ преобладающими являются дифтонги *уо*, *уэ*; при произношениі этихъ послѣднихъ сонантомъ дифтонга является первая часть, которая, удлиняясь при произношениі, является иногда замѣстителемъ самого дифтонга; поэтому гдѣ можно было бы ожидать сочетаній УО, УЭ, УЙ, иногда слышится У, т. е. наблюдалася стяженіе дифтонга, и слова съ дифтонгами чередуются со словами безъ дифтонговъ. Это чередованіе возможно было наблюдать въ с. Ласкахъ, въ с. Раковщинѣ (волизи с. Ласокъ), а также въ с. Копищахъ и Выступовичахъ; такъ при формѣ: *мую* встрѣчаемъ: *муй*; *куонь*—*кунь*, *вуоль*—*вулъ* и т. д. Равнымъ образомъ и въ дифтонгѣ іє при произношениі сонантомъ дифтонга является первая часть съ такой же, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, тенденціей къ стяженію дифтонга, результатомъ коей являются двойниковые формы, т. е. стянутыя и нестытутыя, а именно: поміещыківъ и поміщыківъ, діежа и діжа и др. Тенденція къ стяженію этихъ дифтонговъ наблюдается особенно въ говорѣ с. Копищъ, Выступовичъ и м. Словечно (въ послѣднемъ въ особенности); что въ этомъ слѣдуетъ видѣть процессъ, въ результатахъ коего можно предвидѣть исчезновеніе дифтонговъ, доказательствомъ (сему служить тотъ фактъ, что одни и тѣ же слова неодинаково звучатъ въ произношениі лицъ разнаго возраста, хотя и одного и того же села). Такіе примѣры дало мнѣ наблюденіе надъ говоромъ села Копищъ; при пѣніи пѣсни, въ коей встрѣтилось слово: позоуба́лі, я предлагалъ произносить его молодымъ парнямъ и девушкиамъ, и въ ихъ произношениі

неслогового гласного почти не было слышно, при чёмъ удлинялась первая часть дифтонга (сонантъ), между тѣмъ въ произношениі стари-ковъ и пожилыхъ дифтонгъ получалъ свою вполнѣ опредѣленную арти-куляцію.

III. Появленіе въ произношениі У въ слѣдующихъ случаяхъ:

а) на мѣстѣ Ы (*и*), напримѣръ: букъ (= быкъ), вұшті (= выпить), зывуткіль (откуда), скрўзь и скрўозъ (с. Копище), Пумінъ = Пимень (м. Словечно), вусока = высока (с. Копищи, Выступовичи), мұло = мыло (тамъ же).

б) на мѣстѣ і (изъ є), напримѣръ: вұнчаше = вѣнчанье (село Копище).

в) на мѣстѣ е безударного, напримѣръ: вѣчуръ.

г) на мѣстѣ о — ударного, напримѣръ: згұнъ¹), доружка, брудъ (= бродъ — итти въ бродъ) (с. Копище, Воробьевы).

д) на мѣстѣ о съ предыдущей мягкостью (южно-малор. Э), напримѣръ: берузка (с. Копище), людъ = лёдъ (м. Словечно).

е) на мѣстѣ о ударного въ началѣ слова, при чёмъ здѣсь еще является приставка въ, напримѣръ: вұспа (оспа) с. Копище, Воробьевы корчмы, Выступовичи.

ж) на мѣстѣ о безударного, напримѣръ: пушлі по роботу = отпра-вились на работу (м. Словечно, с. Бәгуны, д. Антоновичи).

IV. Появленіе въ произношениі і на мѣстѣ е, напримѣръ: батинъко, берузка при берузка (с. Копище, Словечно), сімйі — семьи (с. Копище).

V. Появленіе е на мѣстѣ малорусского а съ предыдущей мягкостью, какъ въ слогахъ ударныхъ, такъ и безударныхъ, напримѣръ, екъ = якъ, екій (с. Копище, Выступовичи и отчасти Ласки и Васьковичи) кілѣ (для).

Изъ области согласныхъ слѣдуетъ указать:

а) на произношеніе ғ, которое выговаривается и какъ h, и какъ g.

Въ большинствѣ случаевъ звукъ ғ является длительнымъ фрикативымъ — латинскому h. Въ этомъ произношениі мы встрѣчаемъ его въ словѣ:

1 = сгонъ; мѣсто, куда сгоняютъ рогатый скотъ.

кагу́ (кажу, говорю), вунъ кагэ — онъ говоритъ (с. Кошище, Выступовичи, Людвиновка), а въ иѣкоторыхъ случаяхъ даже: кау́, скáу и скагу́.

Что касается г мгновенного, то его встрѣчаемъ не только передъ голосовыми согласными, какъ, напримѣръ: *изытись* но и передъ гласными, напримѣръ: кгэзъ, кгіркгочэ, кгосподарь и др. (с. Кошище Выступовичи, Людвиновка и др.).

б) произношеніе ф, которое отклоняется отъ общемалорусского хв и звучить, какъ ф, напримѣръ: фурточка.

в) появленіе г (= латинскому g) на мѣстѣ д, напримѣръ: кглѣ съмъї = для семьи (м. Словечко).

Ограничиваюсь пока указаніемъ лишь перечисленныхъ особенностей въ произношениі согласныхъ, я долженъ замѣтить, что они сохраняютъ палatalность тамъ, гдѣ мы бы этого не ожидали, исходя изъ основныхъ особенностей говоровъ малорусскихъ, и эта палatalность болѣе широко выражается именно въ этой части посѣщенной мною мѣстности. Обычныя малорусскія: носиты, ходиты, коситы здѣсь звучатъ: носіті, косіті и косіці. Только въ южной части этой половины территории палatalность ослабляется, сближая говоръ съ обще-малорусскимъ, при чёмъ *носітзи*, *ходітзи* даютъ примѣры перехода отъ мягкости къ твердости произношенія звуковъ.

Подводя итогъ описанію говоровъ, необходимо замѣтить, что для установлениія границы, отдѣляющей сѣверно-малорусскіе говоры отъ южно-малорусскихъ въ эту поѣздку всѣхъ данныхъ мною не собрано; поэтому нѣть пока полныхъ и надлежащихъ оснований для группировки особенностей говоровъ по уѣздамъ.

Что касается дѣленія посѣщенной мною мѣстности на основаніи особенностей говоровъ на двѣ части — западную и восточную, то главныя черты различія въ говорахъ этихъ частей можно свести къ слѣдующимъ грапшамъ:

1) Отсутствіе бѣлоруссизмовъ въ западной части и широкое выраженіе ихъ въ восточной, по крайней мѣрѣ главныхъ чертъ ихъ (аканье, цеканье, дзеканье).

- 2) Преобладаніе палатальности гласныхъ и согласныхъ въ восточной части.
- 3) Преобладаніе въ дифтонгическихъ сочетаніяхъ звуковъ *e* и *э* въ западной, и *i* и *у* въ восточной части.
- 4) Преобладающее значеніе звука *у* въ восточной части, являюща-ся замѣстителемъ не только дифтонговъ, но и другихъ гласныхъ, при отсутствіи этой особенности въ западной.
- 5) Лабіализація звуковъ, какъ отличительная особенность исключи-тельно восточной части посѣщенной мною терроріі.
- 6) Тенденція къ стяженію дифтонговъ, выражаяющаяся въ западной части въ томъ, что дифтонги *ie*, *ie* стягиваются преимущественно въ *e*, *э*, а въ восточной въ *i*; а дифтонги *uo*, *uэ* въ восточной части въ *u*, а въ западной, кромѣ того, иногда въ *o*.
- 7) Преобладающимъ для западной половины является звукъ *i* — широкий, открытый; для восточной — узкий и закрытый.

Оставляя пока безъ выясненія болѣе детальнаяя особенности говоровъ Волынскаго Полѣсъя, а равно и то, насколько современные говоры Волынскаго Полѣсъя по своимъ чертамъ соотвѣтствуютъ той характеристикѣ и группировкѣ звуковыхъ и формальныхъ особенностей, какая проведена у Чубинскаго, необходимо добавить, что мнѣ не пришлось отмѣтить въ Овручскомъ уѣздѣ дифтонга *уы*¹⁾, который отмѣченъ А. И. Соболевскимъ въ его «Очеркахъ»; что касается переливовъ говоровъ бѣлорусскаго и сѣверно-малорусскаго, то они особенно ярко выражаются въ говорѣ с. Копищъ и ближайшихъ къ нему окрестностей. Затѣмъ по направленію на югъ отъ Овруча замѣтно рѣдкое употребленіе дифтонговъ, которые въ произношеніи являются въ станутомъ видѣ, такъ что въ селѣ Могильно (на рубежѣ Житомирскаго и Овружскаго уѣздовъ) почти совсѣмъ не слышно въ произношеніи дифтонговъ типа *uo*, *uы*, *uэ*: вместо нихъ произносится *у* (ножувъ, вусімъ, дущъ); между тѣмъ дифтонгъ *ie* встрѣчается въ произношеніи и здѣсь (щіе — еще, у млыніе); наконецъ звукъ *i* не является здѣсь вполнѣ узкимъ и закрытымъ, а скорѣе среднимъ.

1) Живая Старина 1892 г., вып. IV, стр. 17.

Въ заключеніе всего изложенного замѣчу, что мною было обращено вниманіе и на этнографическія особенности, а именно записаны мною похоронныя причитанья, и въ связи съ этимъ похоронные обряды, а также обряды, сопровождающіе празднованіе Ивана Купала и крестьянскую свадьбу; равнымъ образомъ дѣлаемы были наблюденія надъ тѣми разсказами, въ которыхъ выражалась народная демонология, и сохранились остатки языческихъ вѣрованій.

Вячеславъ Каминскій.

Варшава

12 ноября 1910 года.

